

А. М. Сморгков

САКРАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСУЛЬСКОГО ИМПЕРИЯ

Власть высших магистратов республиканского Рима воспринималась римлянами как неразрывное единство политических и религиозных полномочий, империя и ауспий. Об этом свидетельствует, в частности, возможность употребления каждого из двух этих терминов для обозначения высшей власти в целом¹. Римские боги не являлись гарантом существующей политической системы, однако установление надлежащих отношений с ними было важнейшей задачей органов власти, прежде всего сената и консулов. Именно они, а не жрецы, несли главную ответственность за поддержание мира с богами (раx deorum). Отсюда особое внимание к сакральной правомочности высших магистратов: ведь в отличие от сената они ежегодно менялись, момент же перемены всегда весьма опасен в сакральном отношении, ибо чреват ошибками в ритуале, изменением воли богов и, в целом, нарушением упомянутого мира с богами. В римской политической доктрине процедура избрания руководителей общины имела ключевое религиозное значение, не говоря уже о ее политической важности. На мой взгляд, именно здесь происходило наделение магистрата правом на ауспии²,

¹ В этом отношении особенно показательным употреблением слова *auspicium* для обозначения верховного командования: *Liv.* IV. 20. 6; XXVIII. 9. 10 (ср. XXII. 41. 3; 45. 4–5); *Tac. Ann.* II. 41. 1; *Suet. Aug.* 21. 1. Некоторые исследователи считают, что термин *auspicium* являлся первоначальным обозначением магистратской власти: *Bleicken J.* Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: *auspicium – potestas – imperium* // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse.* 1981. № 9. S. 262, 267, 276, 292, 294; *Heuss A.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt // *Ibid.* 1982. № 10. S. 380, 412–413.

² Сморгков А.М. Куриатный закон об империи и ауспии магистратов // *Древнее право.* 2003. № 1(11). С. 24–39. См. также *Botsford G.W.* The Roman assemblies from the origin to the end of Republic. N.Y., 1909. P. 190–191; *De Francisci P.* Intorno alla natura e alla storia dell' *auspicium imperiumque* // *Studi in onore di Emilio Albertario.* Milano, 1953. P. 407–408; 412; *Nicholls J.J.* The Content of the Lex Curiaia // *AJPh.* 1967. Vol. LXXXVIII. № 3. P. 261; *Heuss.* Op. cit. S. 441, 445; *Linderski J.* The Augural Law // *ANRW.* II. 16. 3. В.–N.Y., 1986. P. 2169.

Другие исследователи связывают получение этого права с куриатным законом об империи: *Levi A.* *Auspicio imperio ductu felicitate* // *Rendiconti Istituto Lombardo di Scienze e Lettere.* Vol. 71. 1938. P. 107; *Staveley E.S.* The Constitution of the Roman Republic (1940–1954) // *Historia.* 1956. Bd V. Ht. 1. P. 88–90; *Catalano P.* Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 469, 479–486; *Magdelain A.* Recherches sur l'imperium. La loi curiate et les auspices d'investiture. P., 1968. P. 20; *Develin R.* Lex curiata and the competence of magistrates // *Mnemosyne.* 1977. Ser. IV. Vol. XXX. Fasc. 1. P. 59; *Bleicken.* Op. cit. S. 270–271; *Giovannini A.* Magistratur und Volk. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik.* Stuttgart, 1990. S. 434–436; *Badian E.* Kommentar zu Sektion V «Magistratur und Gesellschaft» // *Ibid.* S. 467; *Stewart R.* Public Office in Early Rome. Ann Arbor, 1998. P. 22, 34; *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998. С. 92; *Токмаков В.Н.* Куриатные комиции и военные магистратуры в Раннем Риме // *Власть, человек, общество в античном мире.* М., 1997. С. 125; *Дементьева В.В.* Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 58, 60.

которое лежало в основе прочих его полномочий в области религии и составляло сакральную базу его политических актов. Преемственность верховной власти в этом отношении играла в глазах римлян важную роль в деле поддержания мира с богами – покровителями римской общины. Для обеспечения сакральной непрерывности власти в Риме существовал своеобразный институт междуцарствия (*interregnum*), который обеспечивал избрание высших руководителей общины, если по каким-либо причинам его не могли осуществить предыдущие руководители.

О сакральном значении акта избрания новых магистратов свидетельствует принципиально важное замечание Ливия, относящееся к событиям 176 г. (здесь и далее все даты до н.э. – А.С.): «Опытные в религии и публичном праве люди отрицали, что консул-суффект вправе проводить комиции в условиях, когда два ординарных консула этого года погибли – один от болезни, а другой от меча»³. Суффектом («дополнительным») называли магистрата, избранного взамен выбывшего по тем или иным причинам магистрата текущего административного года. Часть текста утрачена, но речь, несомненно, идет об электоральных комициях, ведь полный запрет на созыв любых комиций грозил бы срывом важных государственных решений текущей политики. Кроме того, следующий после лакуны текст повествует уже о деятельности новых консулов. Чем все закончилось, из-за лакуны остается совершенно неизвестным: возможно, названное Ливием правило было нарушено, возможно, проблема разрешилась междуцарствием, как при отсутствии магистратов, имеющих право на проведение выборов. Выбор в пользу второго, обычного, варианта (междуцарствие) отнюдь не столь однозначен, как считает В.В. Дементьева, безоговорочно признавая здесь *интеррегнум*⁴. Нарушение обычая в силу общественной необходимости – не редкость в римской истории. На эту мысль наводит и комментарий Ливия, не склонного пояснять и обосновывать общеизвестные процедуры. Отсутствие какой-либо информации оставляет вопрос открытым. Еще один вопрос, видимо, также не выйдет из области догадок: на чем основывалось это мнение опытных людей? Явно не на прецеденте, ибо данный эпизод был и остался уникальным, если не считать легендарный первый год Республики. Но тогда один из ординарных консулов (Л. Тарквиний) сам сложил свои полномочия, а не умер. Из сказанного вытекает основная проблема исследования: допустимо ли обобщать указанное замечание Ливия и говорить о возможности некоторого ограничения консульского империя, а в случае положительного ответа – каковы причины этого явления? В конечном итоге речь идет о принципах функционирования республиканской политической системы – как их представляла сакрально-политическая теория конца Республики.

За всю республиканскую эпоху (до диктатуры Г. Юлия Цезаря) доизбрание одного или двух консулов-суффектов имело место двадцать восемь раз в течение 25 лет (включая самые сомнительные случаи⁵). Дважды досрочно слагали

³ *Liv.* XLI. 18. 16: *periti religionum iurisque publici, quando duo ordinarii consules eius anni, alter morbo alter ferro perisset, suffectum consulem negabant recte comitia habere posse.*

⁴ Дементьева. Римское республиканское междуцарствие... С. 45, 104. Более осторожны выводы Й. Яна и Дж. Линдерски, хотя они также склоняются к признанию междуцарствия 175 г.: *Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. S. 151–152; Linderski. Op. cit. P. 2185.*

⁵ Включая, например, предположение Т. Броутона о наличии консула-суффекта в 265 г., основанное на единственном упоминании в позднем сочинении имени покорителя Вольсиний, не подтверждаемое другими источниками: *Broughton T.R.S., Patterson M.L. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Atlanta, 1986 (repr. 1951). P. 201–202.*

свои полномочия консульские трибуны, но в одном случае их заменили консулы-суффекты, а в другом консульские трибуны следующего административного года. Соответственно, консульских трибунов-суффектов не было. Помимо рассматриваемого сообщения Ливия каких-либо других прямых указаний на специфику статуса консулов-суффектов нет. Поэтому исследователи склонны считать данный эпизод исключением, объясняя его пугающей смертью сразу обоих ординарных консулов, и, соответственно, полагают консулов ординарного и суффекта полностью равными⁶. Более того, нередко здесь вообще не видят никакой проблемы. Отражением такого взгляда являются статьи Б. Кюблера в энциклопедии Pauly-Wissowa: в статье, посвященной республиканскому консулату, автор ни разу не использует термин *suffectus*, а в посвященной данному термину отдельной статье (весьма краткой) он не упоминает вышеуказанное сообщение Ливия⁷. Напротив, В.В. Деметьева считает, что положение консула-суффекта было особым, поскольку он имел «неполноценный», сакрально ущербный империй⁸. Несколько раз в том же духе, хотя и с разной степенью уверенности, высказывался Й. Ян⁹.

Для проверки утверждения Ливия об ограниченности полномочий консула-суффекта нужны сведения о руководителе электоральных комиций в других подобных ситуациях. Если считать утверждение историка общим правилом, то при наличии пары «ординарный консул и суффект» выборы должен был осуществлять ординарный консул. К сожалению, сведения традиции крайне скудны и весьма противоречивы. Несомненно, именно ординарный консул Л. Манлий Вульсон провел комиции по избранию консулов на 255 г. Прямо руководитель этих электоральных комиций не упомянут, но известно, что консул-суффект М. Атилий Регул был оставлен в Африке для ведения боевых действий¹⁰. Другой случай относится к событиям 460 г.: Ливий явно считает, что выборы провел ординарный консул Г. Клавдий, к которому по этому поводу обратился консул-суффект Л. Квинкций Цинциннат¹¹. Но следует отметить, что в рассказе Ливия консул-суффект в своих речах допускает возможность самому осуществить эти комиции (*Liv.* III. 20. 8; 21. 8), что историк никак не комментирует. Дионисий же прямо утверждает, что выборы провел Л. Квинкций (*Dionys.* X. 19. 4). Греческий историк, конечно, мог увлечься деяниями древнего героя, не обратив внимания или не разобравшись в тонкостях электоральной процедуры. Тем не менее ситуация остается весьма неясной. Этими двумя эпизодами огра-

⁶ Для Т. Моммзена и Э. Герцога ответ был очевидным, не требующим специального изучения: *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* 3. Aufl. Bd II. 1. Lpz, 1887. S. 81. Anm. I (ср. в этой фундаментальной работе краткий раздел о консулах-суффектах: Bd I. Lpz, 1887. S. 217–218); *Herzog E. Geschichte und System der römischen Staatsverfassung.* Bd 1. Lpz, 1884. S. 612. Относительно подробный анализ событий 176/175 г., также исходящий из признания их уникальности, см. *Linderski.* Op. cit. P. 2184–2185.

⁷ *Kübler B. Consul // RE.* Bd 4. Stuttgart, 1901. Sp. 1112–1125 (особ. 1115); *idem.* *Suffectus // RE.* 2. Reihe. Bd 4. Stuttgart, 1931. Sp. 652.

⁸ *Деметьева.* Римское республиканское междуцарствие... С. 51. Подробнее эта концепция будет рассмотрена ниже.

⁹ *Jahn.* Op. cit. S. 99, 114, 116, 122, 151.

¹⁰ *Polyb.* I. 29. 9–10; 30–34; *App.* Lib. 3; *Eutr.* II. 21. 2–4. В известном анекдоте рассказывается, что после завершения консульского срока он даже обратился с просьбой об отпуске для устройства хозяйственных дел в своем маленьком имении (*Liv.* Per. 18; *Val. Max.* IV. 4. 6).

¹¹ *Liv.* III. 21. 6–8, ср. 19. 1–2.

ничиваются известные сведения традиции о тех случаях, когда выборы были проведены в соответствии с вышеупомянутым мнением «опытных людей». Впрочем, мы вообще плохо информированы о руководителях электоральных комиций.

В ряде весьма интересных эпизодов, к сожалению, отсутствует необходимая для решения вопроса информация. Так, в рассказе Ливия о выборах консулов на 216 г. претор обратился к обоим консулам (и ординарному, и суффекту) с просьбой кому-нибудь из них прибыть в Рим для проведения консульских комиций (Liv. XXII. 33. 9), что противоречит утверждению об ограниченности полномочий суффекта. Правда, консул-суффект был избран не своим коллегой, а диктатором (Liv. XXII. 25. 16): возможно, это определило иной сакрально-правовой статус суффекта (см. ниже). Оба консула сослались на нежелательность их отъезда с театра военных действий. Разрешилась ситуация обычными средствами: сначала кто-то из консулов назначил диктатора для проведения электоральных комиций, а после признания этого назначения огрешным дело закончилось междуцарствием (Liv. XXII. 33. 10–12), поскольку, видимо, к тому времени срок полномочий консулов уже истек¹². Подобный случай имел место в 299 г., когда правление ординарного консула и консула-суффекта по неизвестной самому Ливию причине также завершилось междуцарствием (Liv. X. 11. 10, ср. 1–4). Почему-то Ливий не говорит о том, кто именно руководил выборами консулов на 179 г., сменивших ординарного консула и суффекта 180 г. (Liv. XL. 43. 4, ср. 37. 1; 4–8). Ни один источник также не сообщает, кто провел выборы консулов на 508 г.¹³, хотя согласно традиции первый год Республики закончился правлением двух консулов-суффектов. Речь идет, конечно, не о реальном ходе событий, а о том, каким представлялось возможное решение самим античным авторам, т.е. сакрально-правовая теория. При этом Ливий без каких-либо комментариев сообщает, что П. Валерий, консул-суффект 509 г., руководил комициями по избранию другого консула-суффекта того же года Сп. Лукреция: (Publicola) comitia collegae subrogando habuit¹⁴. Тот вскоре скончался, и, видимо, опять же П. Валерий избрал еще одного консула-суффекта для этого года – М. Горация Пульвилла. Руководствовался Ливий не только ненадежной традицией, но и собственными представлениями о том, как должно было обстоять дело. Ведь поскольку основной герой предания, консул-суффект П. Валерий Попликола, сохранял власть до конца года, то, по логике ситуации, довыборы не мог провести интеррекс, ибо в таком случае П. Валерий должен был бы предварительно сложить свои полномочия. Диктатура, тем более с ограниченной целью проведения выборов, появилась позднее.

Конечно, события 509 г. весьма древние, да и упомянутые выборы под руководством консула-суффекта касались магистратов одного и того же административного года, по крайней мере с точки зрения Ливия. Но весьма надежная традиция о выборах на 214 г. свидетельствует, что проводил их консул-суффект Кв. Фабий Максим¹⁵, а это противоречит утверждению об отсутствии у суффек-

¹² Анализ ситуации см. *Jahn*. Op. cit. S. 119–124; *Дементьева*. Римское республиканское междуцарствие... С. 50–51.

¹³ См. *Broughton, Patterson*. Op. cit. Vol. I. P. 5.

¹⁴ Liv. II. 8. 3 (ср. 4–5). Также см. *Cic. Rep.* II. 55; *Dionys.* V. 19. 2; *Val. Max.* IV. 1. 1; *Plut. Popl.* 12; *Eutr.* I. 10. 2.

¹⁵ Liv. XXIV. 7. 10–12; 8; 9. 1–3, ср. XXIII. 31. 7–8; 12–13.

тов такого права. Данную ситуацию отличают уникальные детали, значение которых сложно оценить и увязать с рассматриваемым утверждением. А именно. Кв. Фабий был избран под руководством будущего коллеги, Тиберия Семпрония Гракха (Liv. XXIII. 31. 7–8), на место погибшего десигнированного, т.е. избранного, но не вступившего в должность, консула Луция Постумия (ibid. 24. 6–12). Возможно, это обстоятельство как-то повлияло на его статус. Уникально и то, что сначала на это место избрали М. Марцелла, но выборы были признаны огрешными (ibid. 31. 13–14). Но может быть, и даже скорее всего, дело не в особенностях избрания Кв. Фабия, а в чрезвычайных условиях первых лет Ганнибаловой войны, когда римлянам не раз приходилось идти на серьезные нарушения устоявшегося порядка. Например, при одном только назначении диктатором М. Фабия Бутеона (после поражения при Каннах) известные нам традиционные нормы были нарушены четырежды (!), на что он сам указал в своей речи после принятия должности (Liv. XXIII. 23. 1–2). К сожалению, Ливий никак не комментирует то обстоятельство, что выборы магистратов на 214 г. проходили под руководством консула-суффекта, а не ординарного. По всей видимости, в отличие от 176/5 г. никаких споров по этому поводу не возникло. Как верно подметил Й. Ян¹⁶, должен был сказаться авторитет самого консула-суффекта Кв. Фабия, который являлся на тот момент старейшим авгуром, состоя в коллегии около 50 лет (см. Liv. XXX. 26. 7; Val. Max. VIII. 13. 3).

Конечно, ничем не могут помочь в решении поставленной задачи такие ситуации, когда консул-суффект умирал или слагал свои полномочия досрочно (458, 453, 87, 86, 68 гг.)¹⁷. Сведения о многих парах консулов ординарного и суффекта ограничиваются почти исключительно упоминанием в фастах (478, 437, 305, 265, 221, 154, 130, 108 гг.) без каких-либо данных о проведении выборов. Например, ничего не известно о деятельности консула-суффекта 130 г. Аппия Клавдия, хотя его коллега, ординарный консул М. Перперна, явно не проводил электоральные комиции: он умер в своей провинции Азия вскоре после вступления в должность его преемника¹⁸. Каким образом выбрали новых консулов, остается только гадать.

Таков был первый тип консулов-суффектов. Его отличало то, что довыборы нового коллеги взамен выбывшего (как правило, вследствие смерти) проводил оставшийся консул, избранный нормальным порядком.

Другой вариант назначения консулов-суффектов связан с отказом обоих консулов (или всех военных трибунов с консульской властью) от должности вследствие признания их избрания совершенным «огрешно» (vitio), т.е. вопреки ауспциям или, что для римлян означало то же самое, с нарушением процедуры осуществления ауспций. После их совместного отказа от должности проводили новые выборы. Такого рода полная смена руководителей римского государства, происходящих на один административный год, – весьма редкое явление: нам известен один случай с консулярными трибунами (444 г.) и три случая с кон-

¹⁶ Jahn. Op. cit. S. 150. Anm. 3.

¹⁷ 458 г.: Liv. III. 29. 3; Dionys. X. 25. 2; Val. Max. II. 7. 7; Zon. VII. 17 (о том, что Л. Минуций был суффектом, сообщают только капиталийские фасты – CIL. I². P. 104; Broughton, Patterson. Op. cit. Vol. I. P. 39). – 453 г.: Dionys. X. 53. 6. – 87 г.: Vell. Paterc. II. 22. 2 (сп. 20. 3; Plut. Mar. 41); App. BC. I. 70 (сп. 65). – 86 г.: Liv. Per. 82 (сп. Vell. Paterc. II. 23. 2; 24. 1); Plut. Sull. 23; Strabo. XIII. 27; App. BC. I. 75; Mithr. 52 (сп. 51). – 68 г.: Dio Cass. XXXVI. 4. 1.

¹⁸ Iust. XXXVI. 4. 9–11; Eutr. IV. 20. 2; Oros. V. 10. 5.

сулами (393, 220, 162 гг.)¹⁹. При этом реальность названных событий 444 г. и в современной историографии оспаривается²⁰, и у античных авторов вызывала сомнения²¹. О событиях 393 и 220 годов, приведших к появлению второй консульской пары, нет никаких данных, и огрешность при выборах нигде не отмечена, являясь всего лишь предположением современных исследователей, хотя и вероятным (см. примеч. 19). Особенно странным выглядит молчание Ливия о смене консулов в 393 г.²²: ведь события этого года относятся к сохранившимся книгам Ливия и отражены в них довольно подробно (две главы).

Во всех случаях, в том числе в 162 г., для которого смена консульской пары не вызывает сомнений, нет никаких данных о том, кем были избраны консулы следующего года – интеррексом, диктатором или одним из этих консулов-суффектов. Указание на исполнение магистратуры, в том числе интеррекса и диктатора, можно встретить в источниках и позднее при упоминании соответствующего лица²³. Таким сведениям довольно сложно затеряться²⁴. Поэтому молчание источников следует трактовать скорее в пользу одного из консулов-суффектов, который и провел электоральные комиции. Такая ситуация, на первый взгляд, противоречит упомянутому Ливием мнению «опытных людей». Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что избрание консулов-суффектов второго типа осуществлял интеррекс (см. примеч. 24), что имело место и при избрании ординарных магистратов. Это различие между двумя вариантами назначения консулов-суффектов мне представляется принципиально важным, о чем ниже.

Все же после смерти или отказа (по той или иной причине) от должности обоих консулов (консулярных трибунов) чаще избирали не суффектов, а магистратов следующего административного года. Это имело место в 480, 463, 402, 397,

¹⁹ 444 г.: *Liv.* IV. 7. 1; 3; 7–12; *Dionys.* XI. 62. 1–3 (ср. *Cic. Fam.* IX. 21. 2; *Zon.* VII. 19). – 162 г.: *Cic.* ND. II. 10–11; *Div.* I. 33; II. 74; *Ad Q. fr.* II. 2. 1; *Val. Max.* I. 1. 3 (ср. IX. 3. 2); *Plut.* Marcel. 5; *Ampel.* XIX. 11; *De vir. ill.* XLIV. 2; *Fast. Capitol.*; *Fast. Ant.* a. u. c. 592. Смена консульских пар, согласно фрагментам фаст и некоторым косвенным данным, могла иметь место в 393 и 220 годах, но в нарративных источниках об этих событиях не сообщается: *Münzer F. Cornelius* // *RE.* Bd 4. Stuttgart, 1901. Sp. 1403–1404; *Kübler B. Mucius* // *RE.* Hlbd. 31. Stuttgart, 1933. Sp. 429–430; *Volkmann H. Valerius* // *RE.* 2. Reihe. Hlbd. 15. Stuttgart, 1955. Sp. 45–46, 192; *Broughton, Patterson.* *Op. cit.* Vol. I. P. 91, 235; *Jahn.* *Op. cit.* S. 62, 113, 115–116.

²⁰ *Mommsen.* *Op. cit.* Bd II. 1. S. 335. Anm. 1; *Leuze O.* *Die römische Jahrzahlung.* Tübingen, 1909. S. 191. Anm. 243; S. 269, 357. Anm. 430; *Beloch K.J.* *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege.* В.–Лпз, 1926. S. 249; *Werner R.* *Der Beginn der römischen Republik.* München, 1963. S. 286–287; *Jahn.* *Op. cit.* S. 59; *Ranouil P.C.* *Recherches sur le Patriciat (509–366 av. J.-C.).* P., 1975. P. 21–27. Аргументацию исследователей, отрицающих историчность консулярных трибунов 444 г., подвергла сомнению Р. Стюарт (*Op. cit.* P. 62. Not. 21).

²¹ *Liv.* IV. 7. 10–11; *Dionys.* XI. 62. 3.

²² *Liv.* V. 29. 2. Ср. *Diod.* XIV. 99. 1; XV. 8. 1.

²³ Так, например, упоминание Ливием двукратного консульства М. Валерия Левина (*Liv.* XXIX. 11. 3; XXX. 23. 5) позволило предположить, что он был избран впервые в 220 г., причем огрешно: *Broughton, Patterson.* *Op. cit.* Vol. I. P. 235 (с историографией). Благодаря элогиям известны имена двух интеррексов, относящиеся к изучаемым событиям (*ibid.* P. 233, 442); *CIL.* I². P. 193, 194.

²⁴ Показательно, что для 444 и 162 годов известны, хотя и не бесспорные, имена интеррексов при избрании консулов-суффектов: *Liv.* IV. 7. 10 (ср. *Dionys.* XI. 62. 2); *CIL.* I². P. 194. О сомнениях см. *Jahn.* *Op. cit.* S. 58–59; *Broughton, Patterson.* *Op. cit.* Vol. I. P. 442.

392, 341, 321, 223, 208 гг.²⁵ и происходило, по всей видимости, под конец административного года. Хотя здесь нет речи о суффектах, данный вариант представляет интерес ввиду досрочного прекращения магистратских полномочий и его последствий. В этих случаях новые магистраты избирались, как правило, через интеррекса²⁶. Следовательно, новые магистраты избирались таким же образом, как суффекты второго типа и ординарные магистраты. Они также не испытывали никаких проблем, осуществляя в свою очередь выборы преемников.

Имелся своеобразный промежуточный между двумя типами консулов-суффектов (или, скорее, побочный) вариант: на комициях в силу разных причин избирали только одного консула, а тот уже доизбирал себе коллегу. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что именно первый консул проводил выборы на следующий год, поскольку доизбранный им второй консул явно подобен суффекту первого типа: суффектом он, конечно, не являлся, но власть получал от будущего коллеги. Именно так обстояло дело при избрании магистратов на 189 г. Выборы обычным порядком проводил консул Г. Лелий (*Liv. XXXVII. 47. 1*): «Консулом был избран один только Фульвий, поскольку другие соискатели не получили достаточного числа голосов центурий. На следующий день он провозгласил своим сотоварищем Гнея Манлия...» (*ibid. 47. 7*). И именно этот Марк Фульвий Нобилиор, а не доизбранный им Гн. Манлий, провел электоральные комиции в следующем году (*Liv. XXXVIII. 35. 1*). Однако эта обязанность досталась ему по жребию после распределения консульских провинций сенатом (*Liv. XXXVII. 50. 1–8*). Следовательно, сенат не видел никакой разницы в положении обоих консулов – избранного и доизбранного. Впрочем, история с избранием этих консулов остается весьма неясной, прежде всего в процедурном отношении²⁷, так что и остальные сведения могут вызвать сомнения. А в двух других известных нам случаях, когда избранный (через интеррекса) консул доизбрал себе коллегу²⁸, либо нет сведений о том, кто провел электоральные комиции на следующий год, либо доизбранный консул погиб, так что вариантов не оставалось. Таким образом, и здесь единичный характер сведений не позволяет с уверенностью говорить о закономерности.

При всех вышеназванных оговорках все же можно заметить, что ограничения в отношении проведения электоральных комиций касаются империя консулов-суффектов первого типа, т.е. тех, кого доизбирал будущий коллега, а не второго, кого избирал магистрат иного ранга (интеррекс или диктатор), слагая затем свои полномочия. Чем можно объяснить это различие? Каждый консул, по всей видимости, сам вносил куриатный закон о своем империи. Соответ-

²⁵ *Liv.* III. 8. 2 (ср. 6. 8; 7. 6; *Oros.* II. 12. 3); V. 9; 10. 1; 11. 11; 17. 2–5; 18. 1–6; 31. 7–9; 32. 1; VIII. 3. 4–5; IX. 7. 12–15; XXVII. 33. 6–7; 9; 34. 15; *Dionys.* IX. 14. 1 (ср. 13. 4); 69. 1 (ср. 67. 2; 4; 68. 2; X. 7. 5); *Plut. Marcel.* 4; 6 (ср. *Zon.* VIII. 20; *Liv.* XXI. 63. 2; 7).

²⁶ Известные исключения немногочисленны: *Liv.* V. 9. 8 (сами консульские трибуны, досрочно сложившие власть); XXVII. 33. 6–7; 9; 34. 15 (диктатор, которого консул назначил перед своей смертью).

²⁷ В частности, весьма странно то обстоятельство, что своего коллегу М. Фульвий доизбрал на следующий день (*postero die*) после собственного избрания. Немедленное (*extemplo*) вступление в должность отличает консулов, избранных интеррексом, что Т. Моммзен допускает и для данного случая (*Op. cit. Bd I. S. 217. Anm. 4*). Однако нет сведений о каких-либо событиях, которые помешали бы консулу Г. Лелию, специально явившемуся в Рим для проведения выборов, осуществить эту задачу (*Liv. XXXVII. 47. 1*).

²⁸ *Plut. Marcel.* 6; *Liv.* XXII. 35. 2–4; XXIII. 23. 9. Возможно, следует причислить сюда и выборы консулов на 349 г., когда диктатор, проводивший комиции, был избран сам и объявил (*dixit*) имя своего коллеги (*Liv.* VII. 24. 11). Впрочем, коллега вскоре скончался (*ibid.* 25. 10).

ственно, если связывать право на ауспиции с этим законом, то совершенно непонятно, чем же отличается «качество» империя ординарного консула и доизбранного консула. Но если связать названное право с процедурой избрания, то разница вполне заметна: консул-суффект первого типа получал ауспиции от своего будущего коллеги в отличие и от ординарного консула, получавшего ауспиции от своего предшественника (а также интеррекса или диктатора, назначенного для проведения выборов), и от консула-суффекта второго типа, чьи выборы проводил интеррекс. В обоих последних случаях руководитель электоральных комиций – не коллега нового консула, а лицо, которое передавало ему свои ауспиции и, соответственно, после этого переставало ими обладать. В первом же случае такая передача не имела места: и консул, проводивший выборы, сохранял ауспиции, и новый его коллега становился их обладателем. Здесь есть некоторое сходство с избранием младших магистратов. Видимо, это различие между «передачей» ауспиций и «наделением» ими имело сакральное значение, влияя на политическую сторону магистратской власти (империй). Но это влияние на империй касалось, насколько известно, лишь одной функции, а именно, проведения следующих электоральных комиций, что было связано с правом на соответствующие ауспиции.

Данный вывод относится к консулам-суффектам. Как уже отмечалось, имели место случаи досрочного сложения полномочий высшими магистратами без избрания суффектов (480, 402, 397, 342, 341, 321, 223 гг.). В 397 и 223 годах это были огрешно избранные магистраты, но и при досрочном отказе от должности по иным причинам новые выборы, за одним исключением (402 г.), проводили интеррексы, а не сами магистраты перед сложением полномочий, что может свидетельствовать о сомнениях в сакральной полноценности их империя. В.В. Дементьева предложила следующее объяснение: «“деформированный” сроком действия *imperium* был сакрально ущербным, и носитель его не считался нормальным звеном в обеспечении преемственности высшей власти»²⁹. Подпадающие под это определение проконсулы, т.е. магистраты с продленным империем, несомненно, выборов не проводили. Возникшая достаточно поздно, к концу IV в., промагистратура не вполне вписывалась в архаическую систему управления. Цицерон отрицал наличие в его время у промагистратов права на ауспиции (Cic. Div. II. 76–77, ср. ND. II. 9). В любом случае их власть распространялась на сферу *militiae*, но не на сферу *domi*³⁰, имея компетенцию, ограниченную определенной областью (*provincia*), что полностью объясняет отсутствие у них электоральных полномочий. Что же касается империя, сокращенного во времени, каковым, в частности, являлся империй консулов-суффектов, то следует отметить, что строго годичный срок магистратской власти установился лишь к концу III в. Ранее в силу разных причин он мог сокращаться, что приводило к перемещению дня вступления в должность³¹. Это уже ставит под вопрос сакральное значение именно продолжительности магистратского срока.

Свой главный аргумент В.В. Дементьева видит в ситуации, сложившейся у консулов 341 г., или, по принятой классификации, в причинах междуцарствия 340 г.³²

²⁹ Дементьева. Римское республиканское междуцарствие... С. 51 (ср. 45–51).

³⁰ Lange L. *Römische Alterthümer*. 3. Aufl. Bd 1. В., 1876. S. 743; Mommsen. Op. cit. Bd I. S. 13, 637–638; Bd II. 1. S. 659–660; Magdelain. Op. cit. P. 54–56; Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Вып. I. Харьков, 1894. С. 144. См. D. I. 16. 1.

³¹ См., в частности, исследование О. Лейце с соответствующей историографией: Leuze. Op. cit. S. 336–342, 350–375.

³² Дементьева. Римское республиканское междуцарствие... С. 47–48. Подробный анализ различных аспектов (политических, военных, религиозных) интеррегнума 340 г. см. Jahn. Op. cit. S. 74–81.

Возможную, хотя и спорную, параллель составляет переход к децемвирату в 451 г. В обоих случаях речь идет о досрочном сложении консулами своих полномочий, что было вызвано государственными интересами. Но в 451 г., согласно традиции, свои полномочия сложили десигнированные консулы, причем они тут же были избраны в коллегию децемвиров³³. А ситуацию 341 г. Ливий сопроводил весьма интересным комментарием. Тогда ввиду угрожавшей войны с латинами было решено провести досрочные выборы новых консулов, причем именно новых консулов, а не суффектов (*Liv. VIII. 3. 4*). Выборы провел интеррекс, а не сами консулы этого года. Ливий приводит следующее обоснование такого предпочтения: «...религия помешала тем, чей империй был уменьшен, провести комиции; поэтому началось междуцарствие»³⁴. Но разве обязательно понимать здесь «уменьшение» как сокращение срока действия империя³⁵, а не его объема, т.е. полномочий? Ведь система управления архаического Рима не предусматривала механизма отрешения магистратов от власти³⁶. Это всегда было их собственное решение, добровольное или добровольно-принудительное (в силу морального давления сената, угроз плебейских трибунов и т.д.). Подобный взгляд распространился даже на плебейских трибунов, строго говоря, магистратами не являвшихся: вспомним, какую бурю негодования у римских авторов вызвало отстранение от должности Тиберием Гракхом Марка Октавия. Конечно, нельзя недооценивать моральное давление, но сильные личности, вроде Гая Фламиния, могли ему в какой-то степени противостоять: хотя во время своего первого консулата (223 г.) Гай Фламиний был признан огрешно выбранным (как и его коллега), тем не менее он отказался немедленно подчиниться письму сената и сложить полномочия. Лишь завершив военную кампанию и получив триумф, он отказался от должности³⁷. Его поведение соответствовало принципу, который позднее был сформулирован Варроном: «Магистрат, избранный огрешно, тем не менее является магистратом»³⁸. Слова Варрона подтверждаются тем, что огрешно избранные магистраты фиксировались в фастах, а соответствующая должность учитывалась в их *cursus honorum*³⁹. Возможно, такой взгляд на магистратскую власть, как и многие другие ее черты, порожден особенностями цар-

³³ *Liv. III. 33. 4; Dionys. X. 54. 3–6; 55. 1–4; 56* (ср. *Zon. VII. 18*). Анализ см. *Jahn. Op. cit. S. 57–58*.

³⁴ *Liv. VIII. 3. 4: ...religio incessit ab eis, quorum imminutum imperium esset, comitia haberi, Itaque interregnum initum.*

³⁵ И. Ян по поводу уникального в латинской литературе выражения *imperium imminutum* заметил следующее: «Вряд ли можно думать о временном сокращении империя, поскольку нет ни одного доказательства, что *imminuere* имело значение “сокращать по времени”» (*Op. cit. S. 76, ср. 77*).

³⁶ *Mommsen. Op. cit. Bd I. S. 627–630.*

³⁷ *Liv. XXI. 63. 2; 7; 12; Zon. VIII. 20; Plut. Marcel. 4; 6; Fab. 2.*

³⁸ *Varro. LL. VI. 30: ...magistratus vitio creatus nihilo setius magistratus.*

³⁹ Второе консульство М. Клавдия Марцелла: *Liv. XXIII. 31. 13; XXIV. 9. 3; XXVII. 22. 1; Plut. Marcel. 1; 30; Fab. 19; De vir. ill. XLV. 7; CIL. I². P. 140.* – Первое консульство Г. Фламиния: *Liv. XXI. 63. 2; 12* (ср. *Plut. Marcel. 4; 6; Zon. VIII. 20*). – Цензорство Кв. Фульвия Флакка и Т. Манлия Торквата: *Fast. Capitol. a. u. c. 523* (ср. *Liv. XXIII. 30. 18; 34. 15; XXV. 5. 3; XXVII. 11. 10; XXVIII. 45. 2*). Названные цензоры, согласно капитольским фастам, отказались от должности как огрешно избранные. Тем не менее, говоря о них, Ливий неоднократно упоминает их цензорство наряду с консульствами, причем благодаря этой магистратуре, пусть даже огрешной, Т. Манлий Торкват едва не стал принцепсом сената (*Liv. XXVII. 11. 9–12*). Цицерон также упоминает оба консульства П. Корнелия Сципиона Назики, включая и то, которое оказалось огрешным из-за ошибки Тиберия Гракха (*Cic. Brut. 79*).

ского империя: ведь последние три царя, особенно Тарквиний Гордый, получили власть с теми или иными нарушениями обычаев, сложившихся при их предшественниках, но при этом все же считались *reges*, и правомерность законных действий, совершаемых ими во время своего правления, в традиции не оспаривается, как и правомерность законных действий огрешно избранных магистратов.

Эти общие соображения находят прямое подтверждение в рассказе Ливия о событиях 402 г., которым подобны события 341 г., но с прямо противоположными результатами. А именно, в 402 г. военные трибуны с консульской властью, вынужденные раньше срока отказаться от должности, предварительно провели выборы своих преемников, обойдясь без диктатуры или междуцарствия: «...побежденные всеобщим согласием, они (военные трибуны 402 г. — А.С.) провели комиции по избранию военных трибунов, которые вступили в должность в октябрьские календы, а сами накануне этого дня отказались от должности» (Liv. V. 9. 8, ср. 9. 1–3; 11. 11)⁴⁰. Ни о какой сакральной «ущербности» империя в данном случае речи не шла⁴¹. Более того, сложить свои полномочия консульских трибунов заставили из-за военного поражения (Liv. V. 8. 7–13; 9. 1; 11. 4–16), в то время как к консулам 341 г. никаких претензий не было, а их боевые операции имели большой успех (Liv. VIII. 1). Тем не менее именно в отношении консулов возникли религиозные опасения. Как можно объяснить столь разное завершение схожих ситуаций? В 402 г. консульские трибуны сложили свои полномочия досрочно ввиду угрозы их же коллеги назначить диктатора (Liv. V. 9; 11. 10–11), так что формально их отказ от должности был добровольным (ibid. 9. 2–3; 11. 10–11). Досрочный же отказ консулов 341 г. мог вызывать религиозные опасения в силу того, что они сложили свои полномочия по приказу (*iussis*), несомненно, сената (ср. Liv. VII. 26. 10). Складывается впечатление, что их империй был ограничен не по времени, а из-за постороннего вмешательства, которому они подчинились (хотя могли и не делать этого). О таком же вмешательстве сената Ливий говорит и в связи с междуцарствием 391 г.: тогда, подчиняясь постановлению сената, от власти отказались заболевшие консулы 392 г. (Liv. V. 31. 7–8). А в упомянутых событиях 402 г. подобного вмешательства не было, соответственно, обошлось без междуцарствия⁴².

Таким образом, если попытаться определить причину возникновения сомнений в сакральной полноценности консульского империя, то она заключалась не в сокращении его срока, а в полноте и суверенности империя, точнее, в попытке на эти его сущностные характеристики. Как заметил Т. Моммзен, «в империи по необходимости заключается аваркия; он сам себя передает, сам себя до-

⁴⁰ Перевод С.А. Иванова удивительным образом искажает латинский текст: трибуны сначала слагают свои полномочия, а затем проводят выборы! (см. *Тит Ливий. История Рима от основания города*. Т. I. М., 1989. С. 239).

⁴¹ Конечно, единичное сообщение о столь давних событиях легко подвергнуть сомнению. Однако неубедительно выглядит и предположение Й. Яна о возможности в данном случае междуцарствия, поскольку единственным аргументом служит его же собственное мнение: «Все же более вероятным является наступление интеррегнума» (Op. cit. S. 63). А если считать, что ко времени Ливия существовала некая государственно-правовая концепция, включающая рассматриваемый вопрос, то следовало бы ожидать, что Ливий предположит междуцарствие или попытается объяснить его отсутствие.

⁴² Особняком стоят события 480 г., поскольку тогда, в изложении Дионисия, междуцарствие стало объективным результатом добровольного отказа одного консула, коллега которого погиб в бою (*Dionys. IX. 13. 4; 14. 1*).

полняет, сам заботится о своем замещении и сам себе назначает помощников»⁴³. Первый пункт подразумевает самостоятельное избрание преемников, а под второй подпадают консулы-суффекты⁴⁴. Поскольку империй неотделим от права на общественные ауспиции, то все его свойства имеют сакральную базу в виде этого права. Следовательно, если оно подверглось постороннему вмешательству или получено от коллеги, его нельзя считать полноценным, как и, соответственно, сам империй⁴⁵.

Однако, когда речь идет о религии, возникает резонное сомнение, можно ли вообще говорить о каких-то правилах и закономерностях в том или ином случае. На мой взгляд, причины, которые приводили к религиозным опасениям и соответствующим решениям, никогда не были формализованы даже в области общественных интересов и государственного управления. Здесь, как правило, господствовали обычай и ситуация. Не останавливаясь подробно на этом тезисе, укажу несколько ярких примеров. Один связан со строительством из религиозных опасений (*in religionem venit*) храма Юпитера Статора. Его начали строить по второму обету в 294 г., хотя, как считали, обетован он был еще Ромулом (*Liv. X. 37. 15–16, ср. I. 12. 6–7*). Другой – весьма показательное замечание Ливия при перечислении prodigий 461 г.: «Говорящая корова, чему в прошлом году не поверили, (теперь) не вызывала сомнений»⁴⁶. В названных случаях религиозные опасения «подогревались» тревожной обстановкой (военные поражения, внутренняя борьба), но при этом отсутствовал формальный механизм контроля за сакральными моментами, который мог бы привести к немедленной реализации соответствующих решений.

Равным образом и в изучаемом вопросе следует говорить не о причинах сакральной «ущербности» консульского империя, а о причинах возникновения сомнений в этом отношении – именно сомнений, которые могли разрешиться различным образом, что хорошо заметно при анализе сакральных обстоятельств, приводивших к междуцарствию. Здесь на каждый вариант, когда возникали религиозные опасения, найдется точно такой же, когда все решалось обычным порядком. Выше уже анализировались две схожие ситуации с противоположным исходом (402 и 341 годов): в одном случае высшие магистраты, вынужденные досрочно сложить свои полномочия, провели выборы преемников, в другом – в силу религиозных опасений дело закончилось междуцарствием. Также отмечалось, что сомнения относительно права консула-суффекта на проведение электоральных комиций (176 г.) не возникли в 215 г., когда консул-суффект беспрепятственно осуществил эту функцию. Еще один вариант: римляне не раз терпели жестокие поражения, но лишь в двух случаях (после захвата Рима гал-

⁴³ *Mommsen. Op. cit. Bd I. S. 212.* О разработанной Моммзенем концепции империя как единой всеобъемлющей («полифункциональной») власти см. исследование В.В. Деметьевой, которая разделяет *mutatis mutandis* эту теорию: *Деметьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия imperium // ВДИ. 2005. № 4. С. 46–75.*

⁴⁴ *Ibid. S. 212–218.*

⁴⁵ На сакральные причины интеррегнума 340 г. указывает также Й. Ян, но он, исходя из концепции Г. Вагенворта (*H. Wagenvoort*), видит их не в праве на ауспиции, а в магической силе (*mana*) консулов, присущей, по его мнению, изначальному, доклассическому понятию империя (*Jahn. Op. cit. S. 77–78*). Концепция Г. Вагенворта заслуживает отдельного внимания, но замечу, что она далеко не общепризнанна, а поиск «полинезийских» элементов в римской религии, сам по себе небесполезный, требует все же сугубой осторожности.

⁴⁶ *Liv. III. 10. 6, ср. XXI. 62. 1; XXII. 1. 13.*

лами и после кавдинского позора) проведение выборов не было предоставлено соответствующим магистратам (см. ниже). Напротив, консулу Гаю Теренцию Варрону, виновнику страшного поражения при Каннах, дважды доверили избрание диктатора (Liv. XXII. 57. 9; XXIII. 14. 2; 22. 10–11) и хотели поручить избрание консулов следующего года (Liv. XXIII. 23. 9). В тот момент сенат счел необходимым не нагнетать обстановку и всеми силами подчеркнуть сохранение нормальной системы управления государством⁴⁷. Следующая группа схожих историй связана с положением заболевших или раненых консулов. И если болезнь обоих консулов 392 г. привела, по решению сената, к междуцарствию именно в силу религиозных причин (Liv. V. 31. 7–8), то в других подобных ситуациях исход был иным. Ведь в 350 г. один консул также тяжело заболел (Liv. VII. 23. 2), а другой был ранен, и кто-то из них назначил диктатора для проведения электоральных комиций (ibid. 24. 10–11): в сакральной полноценности ауспий консула сомнений не возникло, показателем чего и является назначение им диктатора – акт, имевший сакральное значение. В 325 и 205 годах именно заболевшие консулы, а не их здоровые и весьма успешные в военных делах коллеги, назначили диктаторов, которые затем провели выборы⁴⁸. Более того, в последнем случае речь шла об эпидемии, поразившей римское войско, что должно было бы усилить религиозные опасения. Тем не менее не стали обращаться за содействием к другому консулу, знаменитому Сципиону, который в это время на Сицилии готовил войска к высадке в Африке. Несомненно, на «уровень» религиозных опасений повлияли военные успехи Рима и государственная целесообразность. Сходные ситуации имели место в 479 и 208 годах. В 479 г. один консул погиб, а другой, будучи ранен, досрочно отказался от должности, вследствие чего наступило междуцарствие (Dionys. IX. 13. 4; 14. 1). Но в 208 г. тяжело раненый консул перед смертью назначил диктатора для проведения выборов (Liv. XXVII. 29. 2–5; 33. 6). Причем в том году смерть одного консула (Марцелла) и смертельное ранение другого (Криспина) не повлекли за собой заметных религиозных опасений, вызвав лишь скорбное удивление (Liv. XXVII. 33. 7; Plut. Marcell. 29). Поэтому Криспину доверили назначить диктатора. Для римлян в тот непростой год Ганнибаловой войны, накануне переломного сражения при Метавре, оказалось важнее без промедления избрать новых консулов, а религиозные страхи были успокоены иными, чем междуцарствие, средствами (Liv. XXVII. 33. 8; 37).

Таким образом, во всех этих «параллельных» историях, сходных по обстоятельствам, но различных по исходу, по всей видимости, не было какой-то внутренней, сущностной, причины, а тот или иной исход являлся результатом ситуативной общественной реакции на события, т.е. религиозных опасений. Не следует забывать и о социально-политических мотивах и интересах, которые нередко скрывались за апелляцией к сакральной сфере и также влияли на характер государственных актов, связанных с общественной религией и обусловленных ею. Только официальное признание выборов огрешными однозначно лишало новых магистратов права на проведение следующих выборов, ведь их ауспиции были ущербны изначально.

⁴⁷ См. показательные комментарии античных авторов, особенно Орозия: Liv. XXII. 61. 13–15; Oros. V. 5. 7–11; Plut. Fab. 18. Возможно, Варрону даже предложили диктатуру, от которой он отказался: Val. Max. III. 4. 4; IV. 5. 2.

⁴⁸ Liv. VIII. 29. 8–9 (ср. 12. 2); 37. 1; XXIX. 10. 1–3; 11. 9–11.

Возможно, именно так воспринимались события 176 г., с анализа которых было начато это исследование. Смерть обоих ординарных консулов имела религиозный оттенок и вполне могла возбудить религиозные опасения. Уже самовступление этих консулов в должность сопровождалось дурными предзнаменованиями: крайне неблагоприятным оказалось гадание по печени быков, приносимых в жертву в этот день⁴⁹. Вскоре скончался один из консулов, Гай Корнелий Сципион, упав при возвращении с Латинских празднеств, проведение которых относилось к важнейшим консульским обязанностям. И сами празднества были проведены с ритуальными ошибками (*non recte*), так что по решению понтификов их пришлось повторить (*Liv. XLI. 16. 1–5; 7*). Все это, как и различные проdigии (*ibid. 6*), породило религиозные опасения: *religioni fuit* (*ibid. 1*), *accesserat ad religionem* (*ibid. 3*). Второй консул, Кв. Петилий, погиб в бою после того, как огрешно (*vitio*) совершил ауспиции при жеребьевке направлений боевых операций (*ibid. 18. 7–8; 14*). К тому же непосредственно перед боем он произнес двусмысленную фразу, предсказав свою смерть (*ibid. 9–10; 14; Val. Max. I. 5. 9*). При таком количестве предзнаменований, даже если часть их придумали позднее, вполне могли возникнуть, как предположил Дж. Линдерски, подозрения, что при избрании этих консулов была допущена необнаруженная огрешность, которая подобно заразной болезни оказалась перенесенной на консула-суффекта⁵⁰. По справедливому наблюдению Й. Яна, в сообщении Ливия внимание обращено на факт смерти консулов, а не на статус суффекта⁵¹. Показательно, что смерть обоих консулов как знамение отметил Юлий Обсеквент в своем сочинении «*Liber prodigiorum*» (*cap. 9*). Огрешно избранные консулы не имели права проводить выборы своих преемников. Соответственно, причиной сакральной неполноценности империя консула-суффекта в рассматриваемом случае оказывается не его статус, а сакральная неполноценность ауспиций консула, руководившего его избранием. Такая ситуация могла быть разрешена только через междуцарствие, как и при отказе консулов от должности вследствие огрешности при выборах. Однако никаких данных о признании выборов консулов 176 г. огрешными нет, как и о наступлении междуцарствия. Вопрос об огрешности перед авгурами, возможно, даже не ставили, хотя бы в силу смерти консулов. Тем не менее религиозные опасения, даже формально не зафиксированные, не раз заставляли «подстраховаться» от возможных нарушений сакрального права и «обновлять ауспиции» через междуцарствие, что могло иметь место и в данном случае.

Выражение «обновление ауспиций» (*renovatio auspicioium*) несколько раз употребляет Ливий в контексте перехода к междуцарствию. Особенно показательна фраза «*per interregnum renovati auspicia*» (*Liv. V. 31. 7*) в ситуации, когда вследствие засухи разразился голод и началась эпидемия, причем умер цензор и заболели оба консула (392 г.). Они были вынуждены сложить свои полномочия раньше срока, подчинившись постановлению сената (*ibid. 8*). Кроме того, термин *renovatio* упомянут в рассказе о событиях накануне взятия Вей (397 г.): тогда после постановления сената были вынуждены отказаться от должности огрешно избранные консульские трибуны (*Liv. V. 52. 9, ср. 17. 2–4*). Третий раз – в

⁴⁹ *Liv. XLI. 14. 7; 15. 1–4; Obseq. 9. Ср. Cic. Div. II. 32; Liv. XXVII. 26. 13; XXX. 2. 13; Plut. Marcel. 29.*

⁵⁰ *Linderski. Op. cit. P. 2185.* Й. Ян в том же смысле говорит о «гневе богов» (*Op. cit. S. 151*).

⁵¹ *Jahn. Op. cit. S. 150.*

связи со взрывом религиозных чувств после освобождения Рима от галлов (Liv. VI. 5. 6, ср. 1. 5).

Еще три ситуации схожи с рассмотренными, хотя Ливий прямо не говорит здесь об обновлении ауспиций. Но контекст вполне однозначен и понятен, а цели междуцарствия он указывает далеко не всегда. В одном случае отказ от проведения выборов через магистратов соответствующего года касался консульских трибунов, при которых галлы захватили Рим (Liv. VI. 1. 5). Религиозные опасения и недоверие к сакральной полноценности власти этих трибунов имели в данном случае основательные причины, и они не были тогда успокоены междуцарствием, но продолжали сохраняться, так что через два года опять прибегли к междуцарствию, целью которого Ливий уже прямо называет обновление ауспиций (Liv. VI. 5. 6). Подобная ситуация сложилась в 321 г. после позорного поражения римлян в Кавдинском ущелье (Liv. IX. 7. 12–15). Капитулировавшие перед самнитами консулы после возвращения в Рим самоустранились от выполнения своих обязанностей, а для проведения выборов назначили диктатора, но, как оказалось, огрешно. Поэтому пришлось назначить другого диктатора. Однако и он не провел выборы по причине, которую Ливий фактически не назвал: «...поскольку народ чурался всех магистратов этого года, дело дошло до междуцарствия» (Liv. IX. 7. 14, ср. Zon. VII. 26). Несомненно, речь шла о тех же религиозных сомнениях и опасениях, которые охватили общество и руководящую верхушку после галльской катастрофы. Поэтому и данный случай можно отнести к тем, когда требовалось «обновление» ауспиций через интеррегнум. Кроме того, интересное замечание Ливий сделал по поводу ситуации, сложившейся в 334 (333) г.: после отказа от должности огрешно избранного диктатора (для ведения войны) началась эпидемия, что вызвало религиозные опасения, «словно этой огрешностью осквернены все ауспиции» (*velut omnibus eo vitio contactis auspiciis*), и дело закончилось междуцарствием (Liv. VIII. 17. 2–4), хотя ни о каких претензиях к действующим консулам не сообщается (*ibid.* 1). Конечно, сведения Ливия о событиях тех лет весьма фрагментарны и спорны⁵². Но ситуация интересна и в теоретическом аспекте: чьи ауспиции, по мнению Ливия, сочли оскверненными? Поскольку диктатор и начальник конницы сложили свои полномочия, то речь может идти только об ауспициях действующих консулов, один из которых назначил диктатора (ср. рассмотренные выше события 321 г.). Здесь мы видим еще одно подтверждение неформального характера религиозных опасений, возникавших по тем или иным поводам: ведь в других случаях огрешное назначение диктатора не порождало сомнений в сакральной полноценности власти консулов⁵³. Все определялось ситуацией и соответствующими настроениями в обществе. В данной истории, несомненно, сыграла роль начавшаяся эпидемия.

Ввиду особого значения высших магистратов для поддержания миропорядка (в практическом и религиозном смысле) вполне объяснимо пристальное внимание ко всему, что было связано с ними, в частности, любое их несчастье могло восприниматься как свидетельство недовольства богов – покровителей римской

⁵² См. *Jahn. Op. cit.* S. 84–86.

⁵³ *Liv.* VI. 38. 9–10; VIII. 15. 6; 23. 14–17; XXII. 33. 11–12; 34. 10; *Plut. Marcel.* 5; *Val. Max.* I. 1. 5. Правда, дважды отказ от должности огрешно избранного диктатора все же приводил к междуцарствию (*Liv.* VIII. 23. 17; XXII. 33. 12; 34. 1), но причина заключалась не в огрешности, а в том обстоятельстве, что диктатора назначили именно для проведения выборов, поскольку консулы были заняты на войне.

общины своими «контрагентами», как предзнаменование будущих бед⁵⁴. Обращает на себя внимание, что в рассмотренных ситуациях высшим магистратам не доверяли как раз проведение выборов, а целью перехода к междуцарствию объявлялось именно обновление ауспий. Чего же опасались римские граждане и их руководители? По всей видимости, перехода неполноценных, оскверненных ауспий к новым магистратам. Эти опасения были бы беспочвенными, если бы ауспии передавались куриатным законом, а не от предшествующих магистратов посредством процедуры *creatio*. В случае сомнения в сакральной полноценности магистратских ауспий вполне естественно возникало желание «обновить» их через междуцарствие, т.е. через прекращение деятельности всех магистратов, наделенных правом на ауспии (так называемых «патрицианских», или курульных, магистратов)⁵⁵. В итоге, на какой-то, пусть краткий, срок до появления первого интеррекса Рим оказывался без персонального носителя общегосударственных ауспий. Они как бы «растворялись» на время и вновь возобновлялись в лице интеррекса, а затем – избранных с его помощью магистратов. Таким образом происходило сакральное «обновление» *auspicia publica*.

Именно с электоральными ауспиями связано то, что условно можно назвать «сакральной неполноценностью» империя. Ни о каких ограничениях империя в других делах, в том числе касающихся религии, ничего не известно. Соответственно, нет оснований говорить об особом статусе консулов-суффектов, как, впрочем, нельзя утверждать, что их положение в сакральном отношении было абсолютно безупречным. Более наглядно преобладание политической целесообразности над религиозными опасениями выявляется в положении огрешно избранных магистратов. Ведь их мероприятия, надлежащим образом осуществленные в промежутке между вступлением в должность и досрочным (из-за огрешности) сложением полномочий, не отменялись и не проводились заново, хотя такое было принято в римской культовой практике. Отсюда следует, что выражение «сакральная неполноценность (ущербность)» империя не вполне точно отражает ситуацию, ибо может быть отнесено только к одному магистратскому акту, хотя и весьма важному, – избранию преемников, при котором происходила передача права на общегосударственные ауспии. Именно данное право лежало в основе рассмотренных выше коллизий, поэтому гораздо точнее в этих случаях говорить об «ущербности» ауспий, а не империя как такового, хотя единство двух элементов высшей магистратской власти определяло зависимость политических полномочий от их сакральной стороны (и базы) и наоборот.

⁵⁴ Поэтому, когда после взятия Вей Камилл оступился и упал во время молитвы, он тут же попытался обратить дурное предзнаменование на себя лично, отвратив его от Рима (*Val. Max.* I. 5. 2; *Liv.* V. 21. 16; *Plut.* Camil. 5). Интересно отметить, что в таких случаях обращали внимание на то, кого в итоге коснулся ожидавшийся гнев богов – только магистрата или всего Рима (см., например, *Liv.* VIII. 30. 1; XXVII. 23. 4; 33. 12).

⁵⁵ *Cic.* *Ad Brut.* I. 5. 4; *Leg.* III. 9; *Dom.* 38; *Liv.* IV. 7. 7; *Dionys.* XI. 20. 5; *Dio Cass.* XLVI. 45. 3.

SACRAL RESTRICTIONS OF THE *IMPERIUM CONSULARE*

A. M. Smorchkov

The paper is a study of the situation when consuls (consular tribunes) could not be admitted to the election of their successors for religious reasons, which led to an *interregnum*. This could happen to higher magistrates who resigned before their term ended or to *consules-suffecti*. One can speak of two types of *consules suffecti*, those of the first type being elected by their future colleague, those of the second by the interrex, i.e. by a magistrate of different rank who resigned after the election. In the first case head of the comitia shared his rights to hold public auspices with his future colleague; in the second, this right was transferred to his successor. The difference in the way in which they got the right to hold auspices was reflected in the political aspect of the magistrates' power: *consules suffecti* of the first type had no right to hold electoral comitia. The same restrictions applied to the magistrates who resigned under pressure of the senate, for interference into the magistrate's *imperium* undermined its sacral basis. In both cases doubts could be cast on the sacral validity of the *imperium*, but the doubts and cautions were clearly determined by the situation and the custom, as it was typical for the religious sphere. Every kind of abnormal sacral situation leading to *interregnum* corresponded to a similar normal situation. Evidence in favour of this can be seen in *renovatio auspicio- rum* by means of *interregnum*, when religious precautions became more intense. It seems that in this way the Romans tried to prevent the transmission of invalid auspices to new magistrates. This proves that the right to hold public auspices was given by the electoral comitia, and not by the *lex curiata de imperio*. That is why the restriction of the *imperium consulare* applied only to one function of the magistrate, i.e. on electing the successor, and was in its basis connected with the right to hold public auspices.